

ОТКРОВЕНИЯ ОТ ПАВЛИШИНА

Перед нами сидел человек с мягкими чертами лица: плавные линии изгиба бровей, пухлые губы, линия рта в виде дуги, даже морщины с плавными очертаниями. Белоголовый. Большие руки. Одет по-домашнему, просто. При этом понять его характер очень трудно. Чувствуется, он многослойный, с множеством тонов и цветов, как картина. А картину надо внимательно рассматривать.

Откровения от Павлишина — большая удача. Мастер очень редко дает интервью. А тут, фактически, мы были на большой премьере большого рассказа от первого лица. Геннадий Павлишин поведал о своей жизни и творчестве без прикрас. И мы слушали затаив дыхание.

Он представил свой фундаментальный труд — книгу-альбом о тигре. Но потом ушёл в дебри. И как настоящий художник, любящий красками природы, неповторимыми ее узорами и населением, он забыл обо всём на свете, увлѣк за собой слушателей, тех, кто пришел на встречу с ним. Он говорил о своей судьбе и природе, которая связала и не дала уехать с Дальнего Востока.

О ПОЭТЕ КОМАРОВЕ И ИСТОРИИ

Когда я учился в 19-й школе, что в Южном округе, то часто ходил в кинотеатр «Гигант». Моя школа тогда была недалеко от кирпичного завода, а за ним была «Кругосветка». Тогда это был как край света. Там фактически Хабаровск заканчивался.

Так вот, когда мы ходили в кинотеатр «Гигант», там я очень любил слушать Петра Степановича Комарова. Он читал стихи... Он был такой худой (у него был туберкулез), что походил на вешалку, на которую повесили пиджак, и этот пиджак колеблется. Но какие у него были великолепные стихи!.. И какое счастье, что мне удалось его слушать.

Я обязательно оформлю его книжку. Целое поколение выросло на стихах Комарова. У него есть великолепные стихи для детей:

*Вдоль болота ходит кто-то,
Травы поздние шуршат.
Это цапля у болота
Караулит лягушат...*

Посмотрите, как красиво.

Мы — художники, а жизнь — скоротечна. Мы должны успеть запечатлеть ее... Помню, в Хабаровске когда-то ходили пароходы-колесники. И каких только не было: «Коминтерн», «Коккинаки», «Рабочий», «Гоголь». Но сегодня все это ушло, а у меня все эти пароходы нарисованы...

В Приморском крае я изучал средневековье. Там есть особенно большие археологические раскопки Шайгинского городища — это уникальный памятник культуры чжурчжэней. Я принимал участие в этих раскопках. У меня много зарисовок. Сейчас они, возможно, дополнят нашу древнюю историю. Ведь мы сюда пришли не на пустое место.

У нас только в Хабаровском крае живет восемь народов. И какой же ты художник, если не интересуешься творчеством народов, которые здесь жили до тебя? Нужно копать и копать, собирать и собирать... И у меня есть хорошие накопления. По той же материальной культуре. Ведь все уходит. Бабушка шила халаты из рыбьей кожи всю жизнь, ее хоронят, и вместе с ней хоронят все ее халаты. Все, история ушла. Надо бережно хранить нашу историю.

О СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Когда я был в Японии, меня попросили оформить книгу одного японского автора. Я три года там читал лекции в университете, и три года они ходили за мной - просили оформить книгу. Я не хотел это делать. Мне почему-то было не интересно. Я в то время оформлял с моим другом Володей Фукаловым храм Даниила Московского в Хабаровске... А потом из Японии приехали сюда, в Хабаровск, ко мне три человека: редактор, юрист и еще кто-то. Говорят: Мол, как же так - это у нас, в Японии, самое мощное издательство, а вы не хотите?..

Но, уговаривая меня, они очень мудро поступили: вначале приехали во Владивосток и стали там ходить по мастерским - искать, кто бы подходил по их требованиям для оформления книжки. А у нас мало оформителей, которые занимаются этнографией. И они приехали в Хабаровск, пришли ко мне и говорят: «Мы о вас спрашивали у всех, и все про вас очень плохо отозвались». Я удивился: Как же так? Ведь я ни разу не участвовал здесь ни в одной выставке: ни в Хабаровске, ни во Владивостоке. И вообще здесь никто никогда не изъявлял желание приобрести мои работы. Понимаете? Вот такой мы народ...

И когда я сделал работу японцам, то убедился, что японцы — это народ с очень большим вкусом. Так вышло, что я получил первую национальную премию Японии. До меня они ее никогда и никому из европейцев еще не давали. Такой чести они удостоили только русского художника. Мне это было очень приятно, и я благодарен Японии.

...Как в Японии работалось? Когда мы туда приехали, они сразу выделили переводчика для меня и переводчика — для супруги. Когда там были, случилось крупное землетрясение, скоростной поезд не ходил, и мы из Ниигаты в Токио поехали автобусом. Меня поразило, что везде такая чистота, чистота необыкновенная!

...И вот они меня спросили: А где бы мы хотели поселиться? Я ответил, что очень хотел бы поселиться поближе к японскому императору, к его садам. Они сказали, что недавно, два года назад, у них построили высотную гостиницу, от которой буквально пять минут ходьбы до дверей императора.

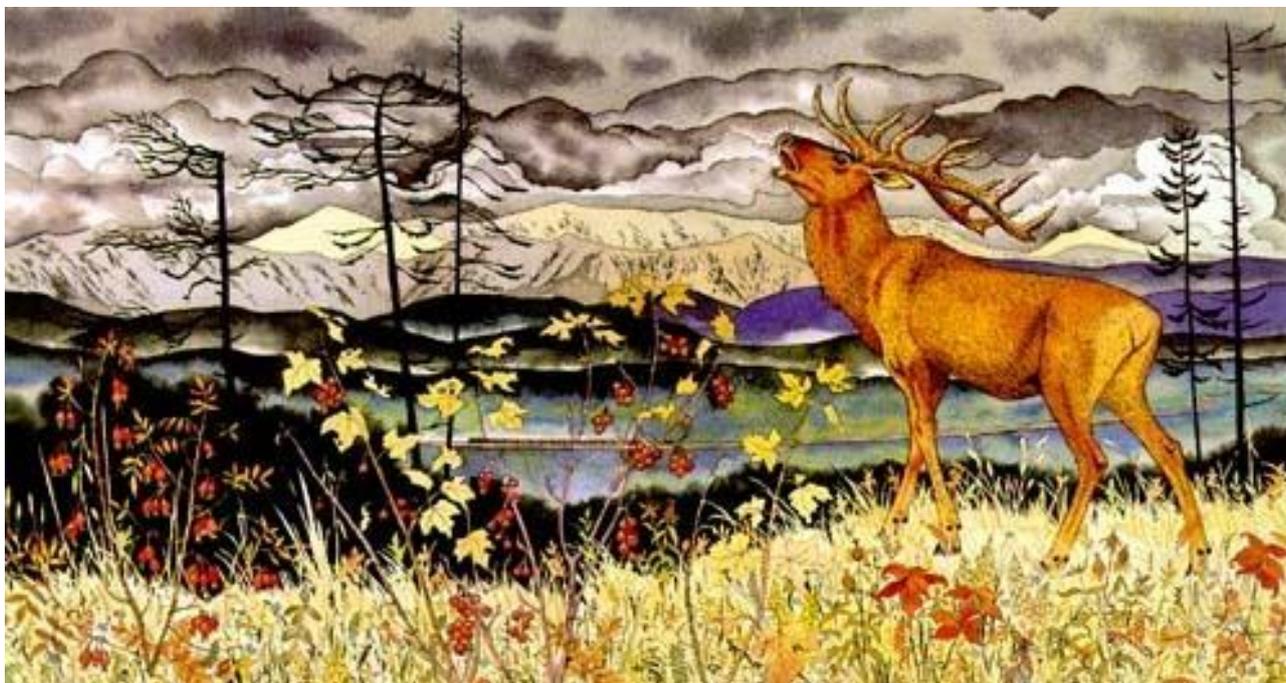
Мы разместились в этой гостинице, и в первое же утро отправились к японскому императору. Везде опять-таки идеальная японская чистота.

К примеру, у них, как и у нас, есть бомжи — это бывший интеллигентный человек. Но в Японии даже бомж — аккуратно лежит на лавочке в белых носочках, рядом — велосипед, корзиночка... В ней какой-то сок, бутерброд, фрукты. Он лежит на лавочке, никто его не пинает. Он лежит на лавочке, как поэт. Это очень красиво.

Однажды японцы меня пригласили выступить в университете «красные кирпичики». Вы знаете, идет такое поверье, что лучшие университеты в мире — из красного кирпича. В Лондоне — из красного кирпича. В Токио — тоже. Они этим очень гордятся.

И в этом университете огромный такой зал, у входа — электронный циферблат, который показывает сколько людей в аудитории. Кто-то вышел или зашел, а на циферблате сразу на одного человека становится меньше или больше. И вот на этой встрече присутствовало около двух тысяч студентов.

Японцам понравилось, что я сразу, в дополнении к лекции, сделал небольшую выставочку. Там был такой широкий подиум, и я прямо на нем разложил свои работы. А студенты, когда проходили, их смотрели. Но при этом, я обратил внимание, никто руками ничего не трогал, не лапал. Такое воспитание.

Когда закончил лекцию, задали вопрос: Что мне больше всего понравилось в Японии? Я ответил, что мне больше всего понравилось, что в Японии есть император. Мол, а мы своего императора расстреляли, поубивали его детей... А потом мне задали еще вопрос: А что мне больше всего не понравилось в Японии? И я ответил, что больше всего мне не понравилось, что японцы не любят своего императора. Весь зал вздрогнул от неожиданности: Как так? А вот, говорю: Вы ведь до сих пор не можете ему простить, что он подписал акт о капитуляции во Второй мировой войне.

...С Японией у меня были связаны еще очень приятные моменты. Однажды, в воскресенье, когда я работал дома в Хабаровске, кто-то постучал в калитку. Я вышел весь грязный, в фартуке, в каменной пыли. Смотрю, у калитки - автобус, а вокруг - так красиво, по камням, стоят около полусотни молодых людей - все юноши-японцы. Переводчица меня спросила: «Вы Павлишин?» Я махнул головой. Она им что-то сказала. И они все молча вдруг встали и поклонились в пояс. А потом сели в автобус и уехали.

В Японии у меня вышло около восьми книг. Над некоторыми я работал еще в советское время. Но особенно мне нравится одна, и я с удовольствием над этой книгой работал — «Дерсу Узала» Арсеньева. Ее издала академия наук Японии. Они вначале мне заказали 4 листа иллюстраций, а потом - еще 20. А потом я им подсказываю: вот вы заказали 24 листа, а в книге 24 главы, давайте я вам бесплатно сделаю полностраничные иллюстрации, и вы эту книгу переиздадите. Они так и сделали. Правда, они подсократили текст - как бы сделали детский вариант с коротенькими главами...

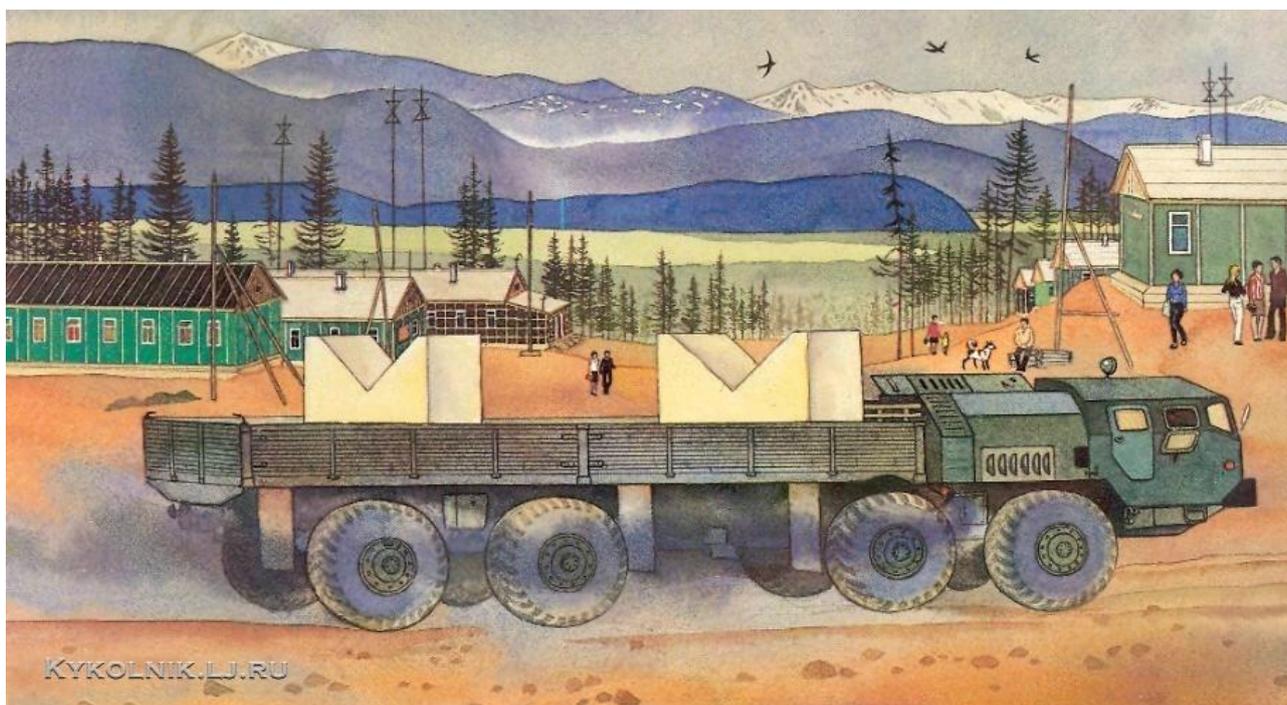
О секретаре Чёрном, журналисте Сунгоркине и БАМе

В Хабаровске я давно мечтал проиллюстрировать книгу Арсеньева, но меня коммунистическая партия (хотя я и не коммунист) все время куда-то посылала. То на какие-то стройки, то где-то какой-то завод сдаётся, то какой-то новый станок запускают, то еще что-то. Поэтому некогда было! Но об одной книжке, которую мне заказали, я, конечно, не жалею. Это книга - «Навстречу времени: От Байкала до Амура. БАМ-1986».

Однажды мне позвонили из крайкома партии, сказали, что меня ждет в Москве (там проходило какое-то мероприятие) первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС Алексей Клементьевич Чёрный, и мне надо явиться. Ну, я полетел. Черный отвел меня в Кремль, но сам потом ушел, а меня повели дальше, в правительство страны. Виталий Воротников тогда его возглавлял, он был председателем Совета Министров РСФСР. Там мне сказали, какой должна быть книга о БАМе.

Я вернулся в Хабаровск, пришел к Николаю Кузьмичу Кирюхину, директору Хабаровского книжного издательства и рассказал, какую книгу мне поручили сделать. Но здесь к этому отнеслись как-то несерьезно. Мне можно было бы, конечно, тоже плюнуть. Но я как-то проникся идеей уже. На свои деньги - никто никаких командировок мне не дал, - отправился на БАМ. (Самое неприятное, что те 10 лет, когда я работал на БАМе, мне даже не вошли в трудовой стаж, не попали в пенсию, поскольку у меня не было никаких подтверждающих документов, что 10 лет я мотался по БАМу. Ну, мотался и мотался...)

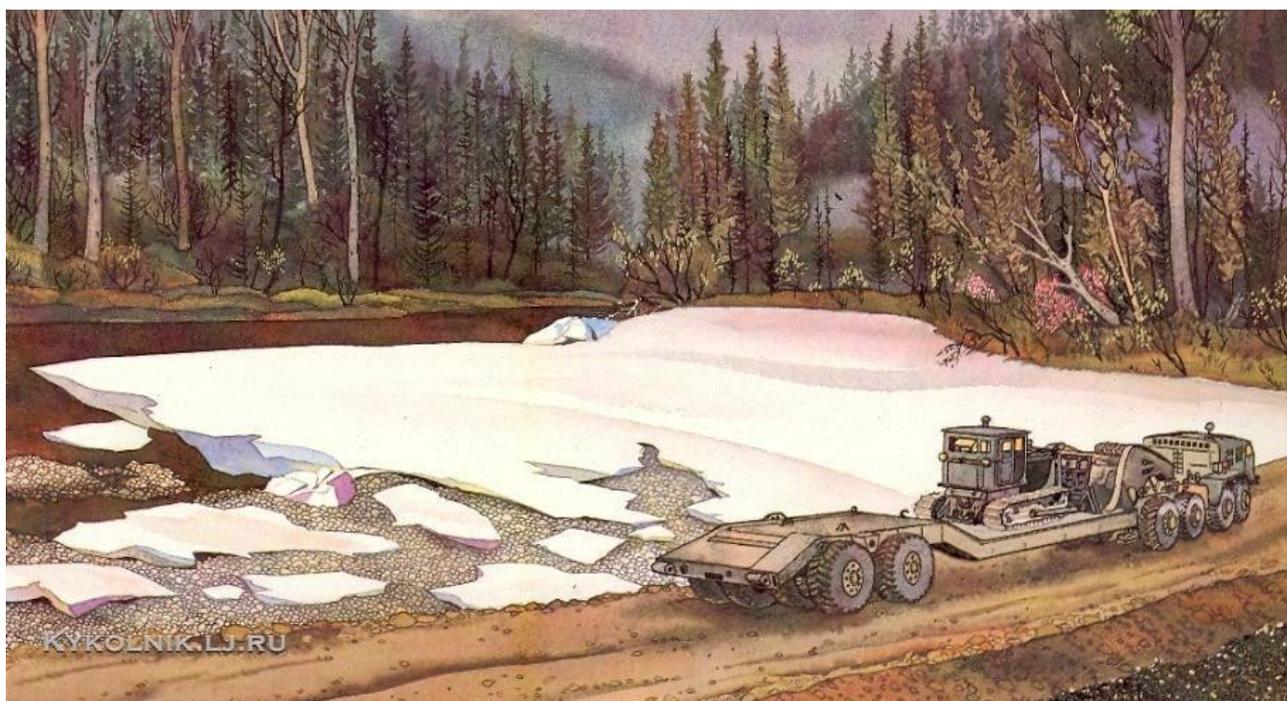

На БАМе было аккредитовано 300 фотокорреспондентов, которые вели летопись этой стройки. Но тогда, конечно, не было такой хорошей аппаратуры, как сейчас. Но меня что выручало? Золотой зад. Я не вставал с места, пока не скопирую какой-нибудь угольный разрез. К усидчивости и точности в отображении деталей я себя приучил, еще, когда делал работы по этнографии для академии наук. Пунктуальные немцы выше всех оценили мою аккуратность и точность — у меня за это Большая золотая медаль (а потом были просто золотые медали). Кстати, когда я получал **премию Леонардо да Винчи**, меня представляла на этом конкурсе Германия (Лейпциг), а не Советский Союз.

Но вернусь к БАМу. Начал готовить книгу — нужен текст. Мне подсказали, что во Владивостоке живет и работает журналист Володя Сунгоркин, который четыре года прожил в Тынде — столице БАМа. Я его пригласил, и он сделал текст к моим картинкам. И, кстати, благодаря книге про БАМ, «поднялся», получил известность.

Мне в свое время, конечно, тоже были заманчивые предложения из различных московских книжных изданий. Но я категорически отказывался. У меня была цель продолжить работы, посвященные истории, природе, этнографии Дальнего Востока.

Должен сказать: БАМ — это такая замечательная дорога. ... Вот наши туристы приезжают в Японию, и их везут на так называемое любование Фудзиямой. Но что эта Фудзияма, по сравнению с нашим БАМом?! Какие у нас красоты! Но мы не умеем этим пользоваться.

Иллюстрации из книги «Повстречались магистрали на Амуре»

С озер истекает река Чара. В ее честь назван знаменитый камень (самоцвет) чароит. Это уникальнейшее в мире месторождение чароита. Но как безобразно мы с ним поступили. Мы взяли и сделали из этого камня полы в российском представительстве в Париже. И все, статус камня упал! Хотя он мог бы идти (на продажу) дороже золота.

Но БАМ - это неопишуемая красота... Какие там есть места, какие там водопады. Я рисовал один водопад и нарисовал цветы, что были рядом с ним. А я всегда рисую очень точно! Но потом ботаники смотрели, и никто из них не мог определить, что это за цветы на картине. Потому что такие цветы им были не известны...

О ПЕРВОЙ КНИЖКЕ

При коммунистах мне не разрешалось ни на лодке сплавляться, ни уезжать куда-нибудь, потому что я был «валютный цех страны». Мои книжки выходили за границу, они приносили хороший валютный доход. И издательство «Прогресс» — это издательство КПСС, — печатало мои книги (около 30) чуть ли не на пятидесяти языках народов мира. В том числе и в африканских странах. Чтобы назвать некоторые из них, язык сломаешь... но, конечно, это было очень приятно.

У меня был такой интересный факт в биографии. Первая моя иллюстрированная книжка — «Мэргэн и его друзья» — это нанайская сказка.

Я ее прислал в Хабаровское книжное издательство, а работал тогда в лаборатории института этнографии Академии наук СССР во Владивостоке. Ну, прислал в Хабаровск, и три года там никак не реагировали. Почему-то она не шла. Потом вдруг — раз, в 1968-м году и ее отпечатали в Лейпциге ...на великолепной тряпичной бумаге, подобрали такой кремовый цвет. А печать была, конечно, изумительная!

В это время мы ездили в командировки от академии наук. И вот по одному маршруту нужно было добираться поездом, затем «Метеором» по реке. И на вокзале меня приспичило. Захожу в туалет, а там... великолепный разворот моей первой книжки «Мэргэн и его друзья». Вот так я познакомился с первой книжкой, которая у меня вышла в жизни.

ОБ АНГЛИЧАНАХ, РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ И ДРУГИХ СТРАНАХ

Еще мне довелось работать с англичанами. И с ними было очень интересно. Чтобы про них не говорили, но это люди очень вежливые, но большие зануды. Я должен был сделать эскиз для книги, и отправить его в Москву, в английское посольство. Оттуда его отправляли каким-то специалистам. Там проверяли, делали какие-то замечания. ...Они не могли позволить такого, как бывает у нас, — когда не понятно, что нарисовано — то ли лошадь, то ли корова. У них такая тщательность! Они для своих детей стараются.

И вот однажды, в 1971-м году меня попросили проиллюстрировать книжку Татьяны Макаровой (она из Ленинграда) «Сказка о муравье по имени Муравей».

Издательство «Детская литература» прислала мне справочку, чтобы я оформлял эту сказку. А она, Татьяна Макарова, когда узнала, что ее книжку поручили оформлять какому-то художнику с Дальнего Востока, возмутилась. Прислала мне сердитое письмо, просит отказаться от оформления этой книжки. Мол, это ее лучшая книга, а оформлять ее де-поручили какому-то лапотнику... Мол, мы здесь — деревня, лаптем тормозим на поворотах. В общем, такое было очень сердитое письмо, что я не знал, что делать.

Позвонил в издательство: Что делать? Там говорят: Геннадий Дмитриевич, это мы вам поручили, и, пожалуйста, спокойно работайте. А жена моя как раз была беременна Наташей, на последних месяцах. Поэтому я не мог уходить от дома далеко, а надо было выбрать натуру. ...Ну, и у нас там возле дома, на ул. Кубяка, возле Института культуры, была помойка: стоял такой железный ящик, куда выбрасывали мусор. И возле него рос маленький мачок-мак, и много колючек. Я их и взял за основу для этой книжки. Назло, оформил все колючками и мачком.

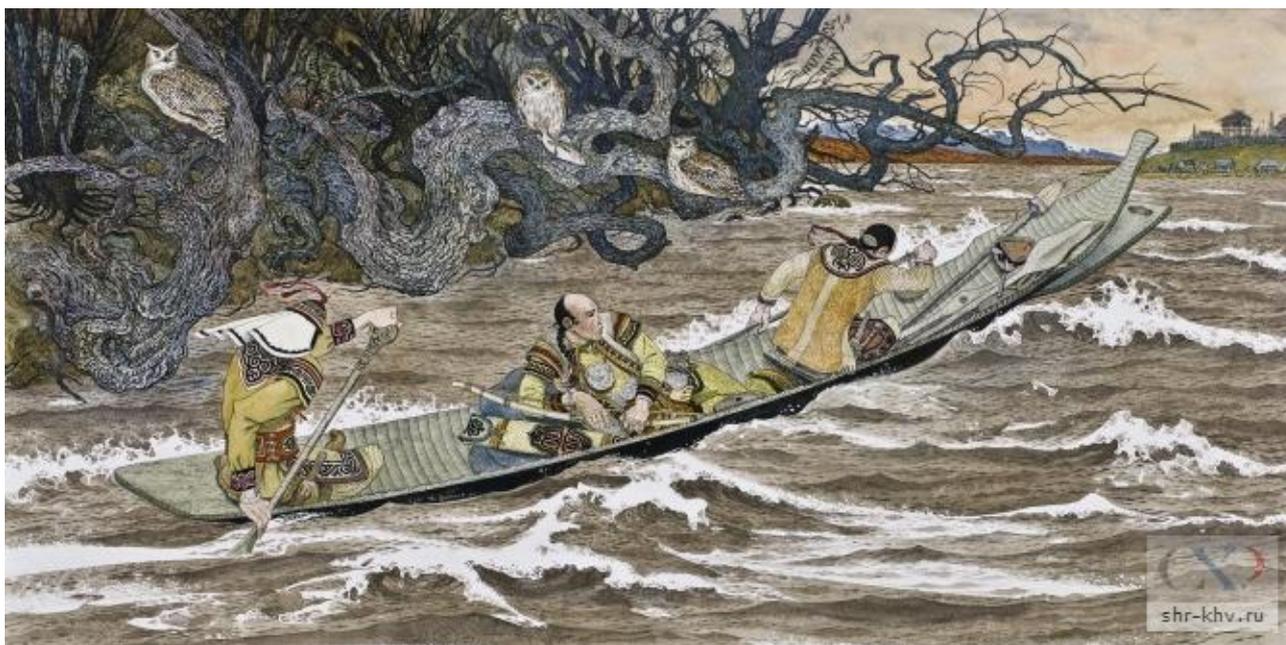
Вот книжка вышла, и я получаю письмо из Ленинграда от автора, пишет: «Извините! Во истину не знаешь, где потеряешь, а где найдешь!» И эта книжка потом пошла гулять по всему свету. Она действительно очень хорошая, очень энергичная и на положительных эмоциях. Потом ее опубликовало издательство «Прогресс».

Правда, с этой книжкой меня замучили в Арабских Эмиратах. ... Там были нарисованы банки со свиной тушенкой, а мусульмане свинину не едят. В общем, мне потом эту книжку приходилось дорабатывать под каждую страну. Изменять надписи. Но это все были такие забавные моменты.

ОБ АЙНАХ И РЕКОНСТРУКЦИИ ИХ ЖИЗНИ

Я увлекаюсь реконструкцией. Например, с Академией наук восстанавливаем жизнь и быт айнов. Японцы изображают айнов очень странно. У них с ними, можно сказать, вековая вражда. Япония все время айнов вытесняла. И там есть такие места, где буквально несколько метров слоев земли - сплошные скелеты - это аинские захоронения.

Даже у нас на Сахалине, когда исследователи ставили рядом русского мужика и айна, то предпочтение всегда отдавали айну. Он был рослый, более сообразительный, более развитый и умелый, многое умел делать руками. А по сравнению с японцами айны были значительно выше и крупнее. И еще айны славились такой широтой своей души. Японцы от них много чего взяли. Даже их знаменитая гора Фудзияма. Название от айнского «фути» — это чисто айнское слово. Японские самураи делали себе харакири, но этот обычай они тоже взяли у айнов...

Так вот, японские художники изображают айнов с какими-то косматыми, заросшими головами. А я когда сделал свои эскизы, мне позировал айнский композитор. Они ко мне часто в Хабаровск приезжали, на шарабане рыбу готовили.

Их языка я не знаю, но мне все было понятно. Вообще мне айны очень нравятся. Вот этот айнский композитор... Весь день мы водку пили (он очень хорошо водку пил), и весь день он играл свои айнские произведения. Это, знаете, такая тревожная, щемящая душу музыка... А когда он начинал петь, то обязательно надевал такой национальный головной убор — из стружек, с изображением двух медведей (он его мне потом подарил).

И когда я ему показал свои иллюстрации по айнам, то, вы знаете, он был потрясен и даже опечален. Сказал: «За всю жизнь я впервые увидел изображение айнов именно такими, какие мы есть». И это для меня была высшая похвала.

О ПОХОДАХ В ТАЙГУ

...В моей работе меня всегда выручала хорошая физическая подготовка. В молодости я хорошо ходил на лыжах. Даже выступал на соревнованиях и занимал несколько раз первые места на дистанции в 30 км среди мужчин. А потом эта закалка мне пригодилась. Особенно, когда был на БАМе, где тоже приходилось пешком преодолевать большие расстояния.

Я несколько раз пешком прошел от Усть-Кута (станция Лена) до Березовки (станция Постышево). И за десять лет, что был на БАМе, получилось, что я пешком прошел огромный путь. Потому что железной дороги тогда не было. А только через определенные промежутки, ровно через 30 километров, стояли знаки, сейчас там стоят станции.

Но больше всего я люблю работать один. Вот если надо было нарисовать зимнюю тайгу, я приезжал в Долми района имени Лазо. И рано утром, когда рабочих везут на деляну, где рубят лес, еду с ними. Отъезжал от поселка километров на 40-50, высаживался, и этой же дорогой отправлялся пешком один, назад, в Долми. И по дороге — рисовал. И, знаете, сейчас я понимаю, что это было рискованное мероприятие — один в тайге и без оружия. Но всегда все обходилось благополучно. Господь миловал.

Правда, были такие ощущения, появлялась какая-то тревога, казалось, что за мной кто-то наблюдает.

И вот однажды, я так увлекся: шел, рисовал... Была лунная ночь. Я запозднил. Причем с собой ни воды не взял, ни покушать. Так вот, начальник леспромхоза в Долми, тогда был Берлев, послал за мной машину. И все обошлось...

О ВЕРЕ И ДОЛГЕ

Не стало коммунистов. Без единого выстрела всё это грохнулось, как-то ушло. Хотя мы не могли даже предполагать, что такое возможно. Книжное дело тоже грохнулось. Но надо было что-то делать? И тогда я обратился к церкви. Ведь моральный кодекс коммуниста, это фактически переписанные христианские моральные заповеди. Поначалу я просто помогал. А потом... А потом у меня начались такие чудеса...

Знаете, у меня бывают дни, когда меня ангелы на руках носят. А бывают дни... Вот например. В Хабаровске директор крупного завода занял у меня большую сумму денег в долларах. Проходит четыре года, он и не думает отдавать, я его и не искал. А потом мне ребята сказали, что он приехал в город, дали его номер телефона (он остановился в гостинице). Ну и я решил поинтересоваться, думает ли он отдавать мне деньги, что занимал. Хотя ребята сказали, что за четыре года уже должны были набежать проценты.

А этот директор мне в ответ: Мол, Геннадий Дмитриевич, да ты что? Кто же сейчас отдает старые долги?

Ну, говорю: Хорошо, забудем про этот долг. Мы сейчас с Валерой Фукаловым строим на базе КАФ храм Даниила Московского, ты просто туда выдели - пожертвуй. ...Он опять туда-сюда, мол, не может пожертвовать.

А утром я включил радио, и слышу, передают: В бухте Золотой Рог, во Владивостоке прямо у пирса перевернулся и затонул теплоход, который полностью загрузили и он должен был уходить в Японию. Это был уникальный случай, потому что я никогда не слышал, чтобы теплоходы тонули прямо у пирса. Это был теплоход моего должника. А второй теплоход у него утонул, когда шел из Японии, груженный японскими машинами...

О БОГОРОДИЦЕ

Взялся я делать резной киот (рама, шкафчик, ковчег) для Порт-Артурской иконы или как ее еще называют - «Богородица на мечях». Это такая икона, находится во Владивостоке в Свято-Никольском соборе. Она попирает ногами два самурайских кривых меча. У нас, кстати, в Хабаровске в храме Александра Невского тоже есть список (копия. - Авт.) с этой иконы. Мы его делали параллельно с киотом.

Как все было... Отец Сергей (сейчас он мой духовник) благословил сделать икону красками с небольшой старинной литографии Порт-Артурского образа. И я послал свою дочку Ирину во Владивосток, чтобы она внимательно рассмотрела саму икону. И сделала список - копию с нее.

Эта икона после революции 1917-го пропала, и была чудесно обретена паломниками Владивостокской епархии в Иерусалиме в 1998 году (17 февраля 1998 года дальневосточные паломники обнаружили святыню в антикварном магазине Иерусалима и купили. - Авт.) и после реставрации вернулась в город. Дочка вернулась из Владивостока и говорит: «Папа, надо подобрать доску для иконы».

У меня в мастерской есть все станки: и по дереву, и по камню, - чтобы ни от кого не зависеть. Ну, я пошел в свою мастерскую, строганул, сделал доску. И забыл. А потом я вспомнил, откуда эта заготовка.

Когда Дальневосточным военным округом командовал Виктор Чечеватов, я им сделал камин для генштаба в Москве. Камин был удивительной работы. Там все цветы, ягодки, действительно объемные. То, что показывают в Эрмитаже, Кремле, по сравнению с моим камином - детский лепет.

Для этого камина Чечеватов привез огнеупорные кирпичи в большом деревянном ящике и говорит: «Вот этот ящик был в Порт-Артуре, и в нем были снаряды». Так вот, доска, на которой мы написали для храма Александра Невского образ Богородицы - с того самого ящика, из Порт-Артура. Что это, случайно?! Думаю, нет, не случайно...

...Основу для киота я заказал в столярной мастерской, где раньше в Хабаровске был эмальзавод. Сейчас там лучшая на Дальнем Востоке мастерская. Нарисовал им в масштабе: один к одному. И сказал, что каждые три дня буду приходить и поправлять, если что-то не так. Однажды пришел, мастера выпивши. Один там молодой стал передо мной махать пальцами, объяснять, как это все надо делать, а пожилой - матом, и пнул киот. Я обиделся, ушел.

Прошло три дня, и хозяин мастерской вдруг сам мне позвонил. Говорит: «Дмитрич, приезжай, мы закончили твой киот». Я приехал, и он мне рассказал, что всю работу в мастерской бросили и срочно доделали киот. А что получилось? Тот, который махал пальцами, ему их отрубило... А тот, пожилой, который пнул киот, почему-то остался ночевать в мастерской. Туда забрались грабители, ничего не тронули, а этого пожилого мастера убили...

...Когда список с иконы был готов, мы с дочерью решили дополнить его «одеждой» - узорчатой рамкой из серебра, украшенной жемчугом и ювелирными камнями.

А тут приехал мой давнишний друг, бывший геолог. Он возит в Москву камни с Дальнего Востока. У него там небольшой магазинчик: бизнес. Он любит париться, а у меня в мастерской своя сауна. Ну, и он пришел туда попариться. Я его спрашиваю: «Витя, что-нибудь хорошее привез?» Он отвечает: «Привез из Украины замечательные волынские топазы — винные или еще их называют свинцовые». Это такие камни — тяжелее свинца, но имеют очень нежные цвета — сиреневый, малиновый, золотистый.

Геолог показал мне эти топазы. И я у него купил пять камней. Потом, думаю, дай куплю еще семь. По числу апостолов, получилось двенадцать. Как раз на «одежду» иконы «Богородица на мечях». Она же как раз и была написана в тех местах, где эти волынские топазы лежат.

Позднее, такие же камни пошли и на украшение киота для владивостокской иконы «Богородица на мечях», только в гораздо больших количествах и более крупных размеров.

Когда я делал мозаику на киот, то случилась еще интересная история. Мы, русские, нередко все делаем на авось. Вот и я неаккуратно работал со стеклом, и осколок-карандаш мне насквозь пробил палец. Насквозь, как гвоздь. Говорю, Господи, прости меня старого. Вытащил зубами эту стеклину. Супруга моя

пришла, замотали рану тряпкой и пошли мы опечаленные домой. Спал я крепко, а утром проснулся и думаю: как же теперь я буду шлифовать, ведь обещал киот к Пасхе привезти? Глянул: а на пальце нет никакой раны, и тряпки тоже нет!

Когда все было готово, я решил, чтобы этот киот преподнесли в дар Владивостоку не от семьи Павлишиных, а от Тихоокеанского флота. Тогда им командовал адмирал Федоров. Шли переговоры. Я поставил одно условие: при передаче киота исполнили песню «Варяг». Ведь в былые времена с этой иконой Богородицы поступили безобразно. Хотя тогда старцы говорили: вы ее доставьте в Порт-Артур, и крепость не падет. А ее в 1904-м привезли в Санкт-Петербург. Там возили-возили по церквям. Потом привезли во Владивосток. Там начали возить-возить, потому что на этом деньги зарабатываются. И довозились до того, что Япония уже блокировала все подступы к крепости...

Так вот, в ТОФе мне говорят: зачем тебе песня? Ты приезжай, мы тебя примем на ракетном крейсере «Варяг». Это такой современный «Варяг». Потом, в 1996 году, когда его перебросили во Владивосток, назвали «Варяг». Он не имеет броневой защиты, но американцы его классифицируют, как «убийца авианосцев». На нем стоят очень хорошие ракеты. И вот, мол, они со мной на этом крейсере попьют чай. Я обиделся. Говорю, да я этот ваш крейсер могу до клотиков (верхушка мачты. - Авт.) водкой залить, и бросил трубку.

И что получилось? Через три месяца Федоров уже перестал командовать флотом, а его ведь собирались назначить Главкомом ВМФ. А помните, на Камчатке затонул батискаф АС-28 (6 августа 2005 года. - Авт.). Они туда полезли, даже не прочитав инструкцию. Пришлось потом гнать такой же батискаф самолетом «Антей», брать экипаж английских моряков, и уже они спасали...

А как на Большом Уссурийском острове мы ставили иконы в храме-часовне? Что там было у нас? Представляете, это было в апреле 2003-го. Мы поставили икону воина-мученика Виктора и пошли поздно вечером в Хабаровск. С острова мы отправились уже в десятом часу вечера и шли по льду полтора часа. Впереди шел отец Сергей со своим сыном Васей - несли тяжеленную сумку с деталями, инструментами: все такое тяжелое. Я еле плелся за ними. Пришли где-то в половине первого ночи в Хабаровск. А утром отцу Сергию звонит начальник погранзаставы и спрашивает: «А вы, отец Сергей, где?» Он отвечает: «Дома. К службе готовлюсь». Тот очень удивился. Оказывается, вы представляете, «в три часа ночи Уссура тронулась».

Все такие истории я записываю. Люди ко мне приходя, читают, и говорят: «Ты, вроде, того... умом тронулся». А я им: Я нормальный человек. Но почему вы то не верите? Поэтому и говорится в писании: Поверите - и будет...

К примеру, для Австралии, для Сиднея, я делал цикл мозаик Ветхого Завета для синагоги. И потом они мне предложили: «Давайте, мы вас загрузим заказами, и вы будете всю жизнь делать эту библейскую тему». Но я сказал: Нет.

Я тогда устал от одной темы. Но я горжусь этой своей работой. Ветхий Завет сам по себе очень интересный для иллюстраций для художника. Там сказки, легенды...

О КАМЕННЫХ КАРТИНАХ

Помню, работаю-работаю и вдруг приходит ко мне мужчина и говорит: «Я - еврей». Я отвечаю: Ну, и что? Мы сейчас все так перепутались. Посмотри - у меня татаро-монгольское иго, а, может быть, я еврей еще больше, чем ты. А что хотел? Он говорит: «Хочу изучить флорентийскую мозаику» (это создание орнаментальных и фигуративных композиций из плотно пригнанных друг к другу пластинок из полудрагоценных камней, подобранных по форме и цвету. - Авт.). Ну, ладно... Работаем.

Супруга моя, Нина Николаевна, приносит кушать: пол литровую баночку супа, полбаночки второго... Смотрю, он на обед не уходит. Думаю, так он может и с голоду умереть. И я начал с ним делиться обедом. На следующий день Нина Николаевна уже стала литровую банку приносить...

И так продолжалось два с половиной месяца. И он полностью сам сделал мозаику - «Цапли». Сделал хорошо. Думаю, слава Богу, теперь его кормить не надо. А он говорит: «Можно я еще завтра приду?». Конечно, говорю, приходи.

На следующий день он пришел и рассказывает: «Я один из богатейших людей Санкт-Петербурга. У меня по России сотни аптек. Я сам занимаюсь недвижимостью в Москве и Санкт-Петербурге. У меня стоит свой самолет на Большом аэродроме в Хабаровске. Я (показывает паспорта) гражданин США, гражданин Израиля и гражданин России. И я еще коллекционирую флорентийскую мозаику. И меня на этом все разводят, как лоха... Я был и в Италии, и в Германии, но вы единственный, кто мне добросовестно и честно показал все от и до. И теперь меня уже никто не проведет» (предположим, это владелец аптек «Радуга». - Авт.).

И потом в книге о дворцах Москвы и Петербурга он все так и описал, как я вам рассказал. Так и пишет: «Я пришел к Павлишину...».

Но, думаете, эта история про коллекционеров закончена? Ничего подобного. Теперь и в Хабаровске есть свой музей флорентийской мозаики. Создал его человек, который в свое время был простой прапорщик - Женечка. Но он -

очень добрый человек. Он чуть ли не каждое утро мне звонил: «Геннадий Дмитриевич, как дела? Может чем-то нужно помочь? Может на машине надо что-то подвезти?» И сейчас у него, благодаря его доброте, великолепная коллекция мозаики.

...У меня есть каталоги того, что делают в Италии, Германии. И честно могу сказать, мы делаем на голову выше, чем там. И у этого бывшего прапорщика сейчас есть эта коллекция. У него под Хабаровском большой трехэтажный дом. И везде мозаика. У него три камина. На одном камине - все птицы Дальнего Востока. На другом - цветы.

Он собирается издать книгу про эту коллекцию. Но сейчас загорелся переехать в Санкт-Петербург. Туда планирует перевести и все свои три камина, на Невский проспект. Но пока он в Хабаровске. Не знаю, решится ли.

Но а я остаюсь в Хабаровске. Никуда не поеду... Родился, учился, живу и буду жить в Хабаровске.

Константин Пронякин, Ирина Харитоновна, г. Хабаровск

Рассказал Геннадий Павлишин и о своих новых работах.

- Книгу о тигре мы отпечатали с большим трудом. В пяти издательствах Хабаровска никто не захотел с нами работать. Поэтому издали ее в Сеуле (Южная Корея) за свой счет.

Книга о тигре - совместная работа. Научные тексты к ней подготовил профессор Дальневосточного университета Давид Бродянский - он доктор исторических наук, известный специалист по первобытной археологии (эпохи неолита) юга Дальнего Востока. И руководитель отдела средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН Надежда Артемьева.

Я больше всего времени в своей жизни посвятил изображению тигра. Пять лет, еще в ранней молодости, рисовал его в Алма-атинском зоопарке. И был захвачен этой могучей жизненной силой...

Мне пришлось наблюдать, как молодая тигрица, пойманная на Дальнем Востоке, из трех рожденных в неволе тигрят одного топтит в миске с молоком. У нее инстинктом заложено ощущение - оценка своих материнских сил, - что троих не прокормит... Наступила у тигров брачная пора: игры, ласки, ухаживания. Я обрадовался, думая, что я это зарисую. Тигры становились в позу много раз, но глянут на меня и «охладевают». Подходили к прутьям

клетки и смотрели на меня так, что мне становилось стыдно. Может, прав герой Владимира Арсеньева Дерсу: «Они тоже люди, одежда другая»... Люди!

Выпустили мы и ещё одну книгу, с длинным и научным названием - «Этнография на фоне дальневосточной археологии. Из духовного наследия насельников древнего Кондона». Однако на самом деле, это впервые изданная моя коллекция красочно зарисованных еще в 1967 году погребальных домиков в нанайском селе Кондон Солнечного района Хабаровского края.

Рисунки безукоризненно точны, словом, идеальные иллюстрации к научному труду этнографического характера. Поэтому деятельное участие в подготовке этой книги приняли сотрудники Дальневосточного государственного университета. И вышел шедевр!

Гонорар от новых книг пойдет на храм Георгия Победоносца.

В моих дальнейших планах - представить материалы о советской символике в творчестве народов СССР, а ещё рассказать о берестяной посуде (я собрал около 400 разных видов и плетения берестяных предметов). Есть в задумках подготовить каталог пароходов-«колесников», которые ходили по Амуру. А большая мечта - проиллюстрировать собрание сочинений путешественника Владимира Арсеньева. Поживём-посмотрим.

На первой персональной выставке Г.Д. Павлишина в 2013 году

